

Александр Засс

Тайна Железного Самсона

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 796
ББК 75.5
А46

А46 **Александр Засс**
Тайна Железного Самсона / Александр Засс – М.: Книга по Требованию, 2024. – 141 с.

ISBN 978-5-458-46988-3

Человек поднимает за колесо тяжело груженный автомобиль. Ловит руками 90-килограммовое ядро, вылетающее из пушки. Зацепившись ногой за петлю, укрепленную под куполом цирка, удерживает в зубах платформу с пианино и играющим музыкантом...

Все эти трюки и множество других силовых номеров проделывал на арене цирка русский атлет Александр Иванович Засс, известный в России и за рубежом под псевдонимом Железный Самсон. Журналисты А. Драбкин и Ю. Шапошников пошли по следам Железного Самсона. О его жизни, о том, как он достиг уникального физического развития, рассказывается в книге «Тайна Железного Самсона».

ISBN 978-5-458-46988-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ондон. Пестрая толпа всегда
всегдаев цирка, собравшихся посмотреть выступление
советских артистов. Разноязыкий гомон в фойе. И вдруг
на чистом русском языке: «Владимир Григорьевич, мож-
но вас?» Как будто и не в Лондоне вовсе, а в Москве,
на Цветном бульваре мимоходом окликнул старый зна-
комый.

Дуров обернулся. Перед ним стоял небольшого роста
пожилой человек. Респектабельная лысина. Аккуратный
пиджачок. Клерк, вышедший на покой, — таких в Лондо-
не тысячи. Вот только плечи, пожалуй, широковаты для

клерка. Да и в улыбке проскальзывает что-то профессиональное, актерское.

Тем временем незнакомец заговорил. Голос его звучал глухо, взволнованно и удивительно контрастировал с будто приклеенной безликой улыбкой.

— Я русский, не удивляйтесь. Старый русский цирковой актер. Работал с вашим дедом. Потом перешел в силовой жанр. Когда вы приехали в Лондон, я долго колебался — подойти к вам или нет. Уж больно много между нами теперь границ. Но ведь душа моя — в России, на Родине... А тут еще мне на глаза попалась газетная заметка: «Старый «русский лев» Георг Гакеншмидт в Нью-Йорке напутствует молодых русских силачей». Это было, когда советские штангисты приезжали в Америку. А ведь Гакеншмидта называли Львом тогда же, когда меня называли Самсоном. Нам обоим не повезло: последние годы жизни и — далеко от родины. Но ведь если Георг смог поговорить с нашими ребятами, почему же мне нельзя?

Самсон заметно волновался. Речь его становилась все более сбивчивой.

— Я не отниму у вас много времени. Я знаю — у вас очень напряженная программа. Но уж не откажите старику — я так хочу услышать от вас рассказ о сегодняшнем нашем цирке. Пожалуйста, очень прошу вас...

Вернувшись в Москву, народный артист СССР Владимир Дуров так рассказывал об этой встрече на страницах журнала «Советский цирк»:

— ...В Лондоне среди наших новых знакомых оказался артист Самсонов — русский человек, которого превратности первой мировой войны оторвали от родины. Этот очень известный артист восхищенно, с гордостью говорил об успехах советского цирка в Англии, жадно расспрашивал нас о положении артистов в СССР, о си-

стеме подготовки кадров в нашем цирке. Узнав о существовании в Ленинграде музея циркового искусства, Самсонов попросил передать туда его красочные афиши... «Вы не можете себе представить, — говорил он нам, — каким непререкаемым авторитетом пользуется советский цирк в Англии. Англичане любят артистов из СССР, всегда тепло отзываются об их выступлениях».

С тех пор имя Александра Ивановича Засса (Самсонова), замечательного русского артиста-силача стало все чаще и чаще появляться на страницах наших газет и журналов. Его поразительные выступления, эти подвиги силы, за которые он и получил прозвище Железный Самсон, не перестают восхищать не только историков цирка, но и всех любителей силовых упражнений. А их в нашей стране немало.

Но статьи об Александре Ивановиче носили односторонний характер. В них основной упор делался на сенсационность номеров Самсона: человек поднимает за колесо тяжело груженный автомобиль; ловит руками 90-килограммовое ядро, вылетевшее из пушки; продев одну ногу в петлю, висящую под куполом цирка, удерживает в зубах платформу с пианино и играющим музыкантом. И так далее...

Значительно меньше внимания уделялось спортивной стороне его номеров. А ведь в начале нашего века силовой цирк и тяжелая атлетика практически не разделялись. В то время соревнований по поднятию тяжестей, подобных нынешним, не существовало. Единственным местом, где выступали силачи, был цирк. Блестящие успехи русских борцов и атлетов-гиревиков на цирковых аренах вошли в золотой фонд истории спорта. Поэтому мы и решили собрать по крупицам сведения об одном из сильнейших людей XX века, приподнять завесу тайны, которой были окутаны тренировки Железного Самсона.

Интересным казалось проследить, как крепла не только сила, но и воля этого удивительного человека, как в тяжелойшей жизненной школе вырабатывался его характер — ведь многие номера Самсона требовали незаурядного мужества!

Книга эта не претендует на биографическую строгость. Однако основывается она на документах и воспоминаниях людей, знавших Александра Ивановича Засса.

ДЕТСТВО

ерым осенним утром на безымянном хуторе, недалеко от Вильно, в доме Ивана Петровича Засса родился сын. Новорожденного назвали Александром, в глубине души надеясь, что ждет его славное будущее, достойное великих тезок.

Гордое имя — это почти все, что могла дать большая семья новому ее члену.

Шура был пятым ребенком. Мать со смешанным чувством гордости и горечи смотрела на кривящийся в гримасе крика ротик малыша: еще новый рот, а чем кормить? Большая семья — единственное богатство бедняка. И хоть

ты разбейся — достатка не прибавится. Да откуда взяться-то? Земля бедная, дом чуть не по крышу в болоте, а за окном опять дождь. Пропадет урожай, жди года голодного.

Может, и не пережила бы семья ту зиму, да посоветовал свояк поехать за Волгу, в имение княгини Юсуповой. Много не обещал, но сытный стол посулил. Зато уж и работа, конечно, до седьмого пота...

Недолго собирались, скарб небогат. За гроши продали соседям то, что можно было продать. Сели в поезд и увидели, что земля-то большая, можно сказать, бескрайняя — поля, поля, леса да перелески, города великие и малые. Не торопясь катился паровоз через всю Россию.

Подъехали к Саранску. Дальше — на лошадях, по степи, под знойным, безжалостным, несмотря на осеннюю пору, солнцем. Жутковато показалось после привычного лесного, болотного края — степь без предела, солнце да ветер.

Вот, наконец, и господский дом. Управляющий строг: имение громадное, два десятка деревень. Из конца в конец — больше тридцати верст. И везде нужен глаз, чтобы не оскудевала хозяйская казна. Дети старшие — тоже на работу: кто в поле, а кто помогать пастухам. Выходить завтра. Все.

И случилось так, что скоро, очень скоро начал маленький Шура самостоятельную жизнь. Отца почти не видел — он со старшими ребятами в поле от зари до зари. А мать с младшей сестрой то на кухне, то обед несут косарям, то в доме уборка, то еще что.

Одинокое крошечному человеку — в пустом доме ни души. Вот разве что щенок, маленький, пузатый, на толстых лапах. На том они и подружились, стали друг для друга товарищами в одиноких играх. А когда оба выросли, оказалось, что понимают они друг друга с полуслова,

с полувзгляда. Пес, повинуваясь мальчику, охотно проделывал всяческие уморительные трюки: ходил на задних и передних лапах, кувыркался и даже «подпевал» своему хозяину заунывным собачьим баритоном. Смотрели на эти бесплатные представления батраки, возвращающиеся с поля, и награждали маленьких артистов веселым смехом. С ними вместе смеялся и мальчик. И даже пес, носивший теперь роскошную кличку Хан, казалось, хохочет своими черными добрыми глазами.

А когда пришла пора маленькому Шуре выходить на работу, он своего любимца Хана не бросил. Правда, и работа к этому располагала. Взял управляющий мальчика к себе посыльным. То туда сбегай, то туда сходи — то в кузню, то на скотный двор, то в соседнюю деревеньку. Выучился Шура ездить верхом. Так они и служили втроем — Шура, Хан и старый мерин Форсун, которого управляющий приказал давать Шуре для дальних оказий.

Это трио было предметом постоянных беззлобных насмешек всех рабочих в имении. Да и было от чего развеселиться — тощий, тяжело перекидывающий ноги мерин, на нем лихо подбоченившийся коренастый, дочерна загорелый малыш, а рядом — рыжий, кудлатый пес.

Тогда-то и услышал впервые будущий знаменитый артист слово «цирк». Произнес его конюх дядя Гриша. Личностью Григорий был примечательной. Служил он когда-то в кавалерии, говорят, воевал даже «с туркой». Оттуда принес Георгиевский крест да пустой рукав. И еще принес безудержную любовь к лошадям. На всю жизнь запомнил маленький Александр, как «беседовал» дядя Гриша со своими подопечными и как понимали его эти большие добродушные животные.

Была у нового конюха еще одна страсть — любил он

порассказать про свое былое житье, про походы и страны, про войны и про родную деревню, что стоит на севере, откуда Гриша ушел давным-давно.

— А хлеб у нас пекут из ячменя — во вышиной! — рассказывал он, держа ладонь довольно высоко над землей. — Ей-богу, не вру! И ведь ячменный хлеб — он вкусный, пшеничного вкусней. Да и не растет у нас, на севере, пшеница. А хлеб вкусный... Только когда свежий. Зачерствеет — никуда, — дядя Гриша негодующе мотал головой и топорщил седые, прокуренные усы.

В одну из таких бесед и услышал мальчик удивительную историю про большой дом с круглой крышей, про разукрашенных дорогой сбруей лошадей, про смешных клоунов и могучих силачей. Когда он повторил дома рассказ старого солдата, отец усмехнулся: «Ну, что же, осенью поедem в город, увидишь цирк».

Осени ждать пришлось долго. Но настал вождеденный день — отец собрался в город, на ярмарку.

...Базар шумел пестрой, неумолчной толпой. Полевые работы были закончены, и настали дни торгов и гулянок. После тяжелой страды особенно много охотников было повеселиться, так что цирк, разместившийся в большом балагане на краю рыночной площади, оказался тут как нельзя кстати.

Пока отец торговал у барышников лошадь, Шура, забыв о всех других ярмарочных соблазнах, с немym восторгом наблюдал волшебную жизнь балагана.

Готовилось представление. Со стороны, противоположной главному входу, прямо на куче лошадиного помета тренировались акробаты. Тут же клоун старательно мазал свое лицо разноцветными красками. А богатырского сложения человек перебрасывал зубами стул через голову.

Но вот на небольшой помост перед входом выбежал рыжий детина в красной рубахе и громко заорал:

Эй, сынок!
Давай первый звонок!
Представление начинается!
Сюда! Сюда! Все приглашаются!
Стой, прохожий! Остановись!
На наше чудо подивись.
Барышни-вертушки,
Бабы-болтушки,
Старушки-стряпушки,
Солдаты служивые
И деды ворчливые,
Горбатые, плешивые,
Косопузые и вшивые,
С задних рядов протолкайтесь,
К кассе направляйтесь.
За гривенник билет купите
И в балаган входите.

Увидев в толпе отца, Шура протиснулся к нему, и они вместе стали прокладывать себе дорогу к кассе. А закликала не унимался:

Сынок!
Давай третий звонок!
Давай, давай! Налетай!
Билеты хватай!
Чудеса узрите —
В Америку не захотите.
Человек без костей,
Гармонист Фаддей,
Жонглер с факелами,
На лбу самовар с углями,
Огонь будем глотать,
Шпаги жрать,
Цыпленок лошадь пожрет,
Из глаз змея поползет,
Эй, люди — не дурачки!
Ташите к нам пяточки!
Пошли начинать — музыку прошу играть.

И началось волшебство. Лошади танцевали. Люди парили в воздухе. Жонглер балансировал на носу зажженной лампы. Все это под музыку, крики, смех. И вдруг тишина.

— На арене — сильнейший человек в мире, Ваня Пуд, — бойко выкрикнул закликала. Все дружно захлопали в ладоши.

Вышел толстый и, видимо, очень сильный человек, раскланялся по-медвежьи. Несколько раз поднял огромную бочку, наполненную водой. Потом согнул толстенный железный прут. Предложил любому из публики повторить номер, обещал 10 рублей тому, кто сумеет. Желающих нашлось множество, удачников — ни одного.

Дальше Ваня Пуд ломал подкову. Подкидывал зубами табурет. А в конце выступления взвалил себе на плечи огромный корабельный якорь и пошел с ним к выходу под громкие аплодисменты.

Конец. Народ не спеша выходил из балагана. А в это время закликала перед входом вновь заманивал «почтеннейшую публику» посмотреть на чудеса.

— Да, нелегкий у них хлеб, — сказал отец Шура, кивнув в сторону цирка: — Каждый рублик потом выходит.

Мальчик слушал и не понимал. У кого нелегкий хлеб? У этих вот раззолоченных акробатов, легко порхающих под куполом? У красавицы наездницы, которая только что со счастливой улыбкой гарцевала на разукрашенной лошадке? Или у Ивана Пуда тяжелая жизнь? Да не может того быть — вон он как легко подкову сломал! Очевидно, отец ошибается. Вот у батраков в имении действительно хлеб нелегкий.

Так думал Шура, трясясь вместе с отцом в телеге по пути домой. Тогда-то он и решил непременно стать одним из этих счастливец-циркачей.